

Интернет и навигатор подвели. И тот, и другой обещали Нине легкую прогулку по торной дороге. Не обманула лишь толстомордая тетка в кассе автовокзала. Сплюывая в горсть шелуху от семечек и поглядывая на Нину снисходительно и вместе с тем раздраженно, тетка сказала правду:

— В Загоринь рейса сегодня не будет!

— Как это не будет? — Нина смертельно устала за эти почти двое суток пути. Хотелось лишь одного: лечь и не шевелиться. Может, она бы так и сделала, если бы не Темка. Темка стоял рядом, одной рукой крепко держал Нину за штанину джинсов, а второй цеплялся за лямку рюкзака. — А как же местные туда добираются?

— Как умеют, так и добираются. — Тетка-кассир поправила пышную грудь, вздохнула о чем-то своем. — Кто как!

— А варианты? — Нина все еще надеялась на варианты и здравый смысл. Нужно же было надеяться хоть на что-нибудь!

— Какие варианты?! — Раздражения в теткинском голосе стало заметно больше, чем снисхождения. Тетке они с Темкой начали надоедать. — Пешко-

дралом — вот ваши варианты! — Она перевалилась через стойку, глянула на Темку, и голос ее чуть потеплел: — До окраины можно на рейсовом городском, а там ножками. Или попутку какую словите. Если сердобольный кто попадется, так и денег не возьмет.

Если сердобольный... Давненько в Ниной жизни не встречались сердобольные. Всякие-разные встречались, кроме сердобольных. И силы ее уже на исходе. И ее, и Темкины...

— Может быть, гостиница? — спросила она с надеждой. Если силы на исходе, то их стоит накопить, передохнуть перед финальным рывком. А в Загорины можно и завтра, с утренним рейсом.

— Гостиница? — Выщипанные в нитку теткинны брови взметнулись в неподдельном изумлении. — Какая в нашем захолустье гостиница?! Пять лет уже как закрыта.

— А как же нам?.. — Вопрос был риторический, но тетка на него ответила:

— Я же сказала как. Пешкодралом. К вечеру, глядишь, и дотопаете.

К вечеру. А сейчас на часах — пятнадцать тридцать. Уточнить бы еще, когда в этом медвежьем углу начинается вечер. Но Нина не стала.

— Темка, пойдем. — Она не без труда оторвала от земли рюкзак, взяла сына за руку.

Отошли они недалеко, примостились на лавочке в тени старого вяза.

— Мороженое хочешь?

Тема кивнул. Можно было и не спрашивать, четырехлетние мужики не отказываются от мороженого. А ей нужно купить воды. Если повезет, то холодной. А потом свериться с навигатором.

Сейчас, пока еще есть доступ к интернету. Что-то подсказывало Нине, что доступ этот может закончиться в любой момент.

Получалось, что от конечной городской остановки до Загорин не то чтобы рукой подать, но и не так уж далеко. Шесть километров вот по этой, почти прямой дороге. Без Темки да в былые годы Нина преодолела бы это расстояние на раз-два, а сейчас придется потратить пару часов. Всяко лучше, чем ночевать с ребенком на вокзале.

Вот только навигатор обманул! Прямой путь оказался далеко не самым торным и, кажется, совсем неиспользуемым. А ведь была другая дорога, раза в два длиннее, но, по всему виду, куда более востребованная. Вернуться бы, начать путь сначала. Но сколько ж можно мотаться туда-сюда с маленьким ребенком...

— Темка, ты как? — Нина присела перед сыном на корточки, заглянула в глаза. Ответа она не ждала, ей хватило взгляда. Темка был готов терпеть невзгоды и лишения. — Я не смогу взять тебя на руки, сына.

Не сможет. Если только на плечи, но за плечами — рюкзак. А навигатор врет...

Сын привычным жестом взял Нину за штанину, потянул за собой. Славный мальчик. Еще совсем кроха, но уже почти мужчина. Должно же было в ее жизни случиться хоть что-то хорошее! И вот случился Тема.

Если бы не усталость и не рюкзак, который наливался свинцовой тяжестью с каждым шагом, эта дорога могла бы показаться приятной. Легкий ветерок, пение птиц, тонкий аромат луговых трав. Еще бы тучку, чтобы спрятать солнце хоть

на время, а еще лучше до конца пути. С тучкой стало бы не так жарко, не так утомительно. Но на то оно и лето, чтобы солнце светило вовсю. Придется терпеть.

Запряженную в телегу пегую лошадку первым увидел Тема. Увидел и требовательно дернул Нину за руку, заставляя остановиться и обернуться. И телега, и лошадка, и управляющий ею мужичок были еще далеко и казались игрушечными. Но если подождать... Тема никогда не катался на лошади. Сама она, кстати, тоже.

Ждать пришлось недолго. Нина только и успела, что напоить водой сына и сделать пару глотков из пластиковой бутылки.

— Это кто у нас тут?

Мужичок при ближайшем рассмотрении оказался дедом, с виду еще вполне себе бодрым и крепким. Полинявший от солнца льняной картуз он залихватским движением сбил на затылок, поскреб редкую рыжую бороду. Лошадка громко фыркнула, зашлепала губами и потянулась к Теме. От этакого дива сын замер с открытым ртом, но не испугался, даже погладил лошадку по носу.

— Не бойсь, малец! — сказал дед весело. — Моя Натуська мелюзгу не обижает.

Тема его не слушал, Тема обеими руками обхватил лошадку Натуську за морду.

— И ты не бойсь, девка. — Дед перевел взгляд с Темы на Нину. — Натуська дисциплине обучена, понимает, что к чему. А вот пусть твой малец ее угостит! — На шершавой дедовой ладони как по волшебству появился кусочек рафинада, и Натуська тут же раздула ноздри. Наверное, в предвкушении. — Давай-ка, малец, подставляй руку. — Дед

ловко выбрался с телеги, встал рядом с Темкой. — Сначала мне подставляй, потом ей. Очень она это дело уважает.

Дважды просить не пришлось ни Темку, ни Натуську, а дед уже снова с внимательным прищуром смотрел на Нину.

— Куда это ты, красавица, с малым дитем да по такой глухомани?

— В Загорины. Вы нас не подбросите? — Быка нужно было брать за рога. Или Натуську за гриву.

— В Загорины?! — Дед присвистнул. — Не ту дорогу ты выбрала, красавица. Считай, повезло, что меня встретили. Машины тут не ездят, а пешком бы вам с мальцом еще пилить да пилить.

— Я это уже поняла. — А еще она поняла, что дед их с Темкой в беде не бросит, и сразу стало как-то легче дышать. Хоть дышать полной грудью у Нины в последние два дня не получалось. Как и не получалось крепко обнять Темку. Но об этом сейчас думать не нужно. Сейчас лучше думать о том, что цель близка и скоро они с сыном смогут наконец передохнуть.

— Ну, коли в Загорины, так залезайте. Подвезу! Давай-ка, малец, подмогну! — Дед сделал шаг к Теме, но Нина заступила ему дорогу.

— Я сама. Спасибо.

У нее хватило сил и на то, чтобы посадить сына в телегу, и на то, чтобы забраться самой, и на то, чтобы не застонать от боли. Все хорошо. Цель близка.

— Ну, сама так сама. — Дед глянул на нее искоса и тоже утвердился в телеге, легонько потянул за вожжи, прикрикнул: — Натуська, вперед!

Пару минут ехали в молчании. Этого Нине хватило, чтобы прийти в себя и восстановить дыхание. А еще помогла таблетка обезболивающего, украдкой запитая минералкой.

— Меня Семен Петровичем звать. — Дед заговорил первым, снова искоса глянул на Нину. — А ты кто такая будешь, красавица? По виду не из местных. Местных-то я всех знаю. Из дачников, что ли?

Можно было соврать, что из дачников, но Нина не стала. Ей еще здесь жить. Возможно, не один месяц.

— Мы к Ольге Васильевне Шипциной. Вы знаете такую?

— К Шипичихе, что ли?! — Семен Петрович утерся картузом, который снова водрузил на макушку. — Так кто не знает Шипичиху?! Та еще ведьма, я тебе скажу. — Он осекся, фыркнул почти так же, как Натуська, и спросил: — А кто она вам? Что-то я не припоминаю, чтобы у Шипичихи родня была.

— Мы знакомые. Старые знакомые.

— Старые. — Семен Петрович усмехнулся. — Ну, Шипичиха так та точно не молодка. Хотя были времена...

Он замолчал. Наверное, задумался о былых временах. Нина тоже задумалась. Ей много предстояло обдумать и многое решить. Вот хотя бы что сказать загадочной Шипичихе, с которой они если и были знакомы, то так давно, что Нина успела все забыть.

...Она многое забыла, почти все. Если бы не потрепанная картонная папка с документами, она бы не вспомнила ни про Загорины, ни про

Шипичиху, ни про... дом. Сказать по правде, в прошлой жизни папка эта Нину раздражала, как раздражает путника острый камешек в сандали. Выбросить бы и забыть окончательно. Но кто-то мудрый когда-то сказал, что запас беды не чинит, и Нина документы сохранила. Вот только папку запрятала так далеко, что, когда случилась та самая беда, едва ее отыскала. Но отыскала, и слава богу! А дальше уж как-нибудь. Ей бы поспать. Хотя бы прилечь на часок. Почти двое суток без сна вымотали ее донельзя. На ногах Нина держалась только благодаря анальгетикам и силе воли, обычных сил почти не осталось.

Кажется, она и задремала, уткнулась лбом в рюкзак, прикрыла на мгновение глаза, а когда открыла, все вокруг изменилось. Не было больше луга с травой по пояс, дорога теперь змеилась между вековыми соснами с «подшерстком» из молодых осин и берез. Лес был густой, древний, но одновременно светлый. Солнце прорывалось сквозь разлапистые сосновые ветки до самой земли, рассыпало яркие пятна по зеленой моховой подложке, золотило и заставляло сочиться смолой стволы сосен. Пахло вкусно: немного этой самой смолой, немного сырой землей, немного травами.

— Придремала? — Семен Петрович глянул на нее через плечо. Ответа он не ждал, просто констатировал факт.

— Придремала. — Нина хотела было потянуться, но вовремя остановилась. — А долго еще? — спросила, оглядываясь по сторонам.

— Скоро уже. Да вот, считай, приехали.

Впереди и в самом деле посветлело, сосны отступили от дороги. Да и сама дорога сделалась шире и презентабельнее. А вдалеке уже виднелась деревня. Самое ее начало: дома под покатыми крышами, палисадники с кустами сирени и жасмина. Значит, и в самом деле почти приехали.

— Шипичиха как раз на окраине обитает. — Семен Петрович снова утерся картузом, словно встреча с Шипичихой была для него тем еще испытанием. — Наособицу живет. Всегда нелюдимою была, а под старость лет так и вовсе одичала. Я вас это... я вас высажу у ее дома, а сам того... по делам поеду. Лады, красавица?

— Конечно! Спасибо вам большое, Семен Петрович. Вы нас очень выручили.

— Выручил... — проворчал он себе под нос. — Это еще подумать нужно, выручил али в самое логово к старой монстре привез.

Нине хотелось сказать, что Семен Петрович не видел настоящих монстров, не имел с ними дела, но она не стала, вместо этого попыталась сунуть деду денег, но тот неожиданно отказался, кажется, даже оскорбился.

— Ты сдурела, девка?! Кто ж за такое деньги берет? Ну, выручил и выручил. Нам с Натуськой не в тягость, а мальцу твоему забава. Ты думаешь, это я Натуськой правил, пока ты спала? Нет, это он Натуськой правил. — Семен Петрович подмигнул Темке. — Натуська у меня мировая лошадь, считай, боевая подруга. Понимает меня получше, чем иная баба своего мужика. Так-то! Ну, вот мы и приехали. Вона ее логово! — Он указал рукой на выглядывающую из-за зарослей шиповника избушку. С виду избушка совсем не походила на лого-

во монстры. Впрочем, на пряничный домик она тоже не была похожа. Наверное, из-за своей очевидной, бросающейся в глаза старости. И только ярко-голубой забор палисадника выбивался из общей картины запустения. Забор был явно новый, свежеекрашенный.

С телеги Темка спрыгнул сам, Нине осталось лишь стянуть на землю рюкзак. Вот они и добрались. Куда добрались, пока неясно, но ждать осталось недолго.

Покосившаяся деревянная калитка была не заперта, но войти Нина не решилась. Из щели между калиткой и землей за ними внимательно и сторожко наблюдала собака. Сначала просто смотрела, а потом зашлась звонким лаем. Темка вздрогнул, вцепился в Нинину руку.

— Не бойся! — Судя по голосу, собака была не крупной, но Нина на всякий случай задвинула сына себе за спину. — Ты только не бойся, Темка. Сейчас она замолчит.

А и правда замолчала. Тявкнула в последний раз и затихла. Зато тут же послышался сиплый старушечий голос:

— Чего брешешь, Найда?! Кого там нелегкая принесла?

Нелегкая принесла их с Темкой. Принесла и бросила на пороге вот этого старого, неприветливого дома. Теперь уж только вперед, назад им дороги нет.

— Здравствуйте! — сказала Нина громко и рукой приветственно взмахнула. Просто так, на всякий случай. — Можно вас побеспокоить?

Получалось некрасиво и жалко. Типа сами мы не местные, помогите, чем можете.

— Нельзя! — буркнула невидимая старуха и решительно распахнула калитку. — Нельзя меня бес... — Она не договорила, уставилась на Нину с Темкой очень внимательным, не по-стариковски острым взглядом.

Сама она была рослой, даже высокой. Время оставило следы на ее испещренном глубокими морщинами лице, иссушило кожу, но пощадило осанку. Наверное, в молодости она была красива. Даже наверняка красива. Но характер... Что там говорил Семен Петрович про монстру?..

— Заходите! — велела вдруг старуха и пошире распахнула калитку. — Найда, свои! — сказала, проходя мимо некрупной лохматой собачонки, и, не оборачиваясь, добавила: — Не чаяла я тебя тут увидеть.

Не чаяла. Нина и сама не чаяла, но так уж вышло, так уж жизнь распорядилась. Что уж теперь?

Не выпуская Темкину руку, она аккуратно прикрыла калитку, по узкой тропинке прошла вслед за хозяйкой к покосившемуся крыльцу. Собака Найда молча потрусил следом.

— Мешок свой тут кидай! — велела Шипичиха. По всему видать, это была именно она. — Руки мойте. — Она кивнула на железный рукомоиник, прибитый прямо к стене дома. — И входите.

И снова она не стала их дожидаться, исчезла в полумраке сеней, загрохотала чем-то железным.

Руки мыли долго. Темке было интересно, как работает рукомоиник. Не видел он в своей городской жизни такого дива. Пришлось показывать и объяснять, а потом почти силой тащить сына в сени. Рукомоиник его впечатлил!

В сенях было прохладно. Двигаться пришлось почти на ощупь, после яркого солнца глаза не сразу привыкли к полумраку. Но стоило только переступить порог комнаты, как свет снова взял верх над темнотой. Здесь было чисто и уютно. Свежепобеленная печь белым пятном выделялась на фоне старых обоев в цветочек. Занавески на окне тоже были белые, с вышивкой. За ними мерно гудела оса, искала выход. На подоконнике стоял цветущий куст герани. Даже на расстоянии Ника почувствовала его острый металлический аромат. В ее доме никогда не было герани. В ее доме вообще не было живых цветов, но этот аромат оказался ей откуда-то знаком.

— Садитесь! Сейчас есть будем. — Шипичиха указала на стол, застеленный клеенчатой скатертью, придвинула к Темке высокий самодельный табурет. — Как звать? — спросила, отходя к печи.

— Нина.

— Не тебя. Малога как звать?

— Тема. Артемий. — Не то чтобы старуха ее пугала, но вот эта манера общения... К ней еще нужно было привыкнуть.

— Значит, пацан. — Старуха возилась у печи, а Темка смотрел на нее во все глаза. Для Темки печь была сродни рукомоЙнику и лошадке Натуське — неведомое и страшно интересное. Нина тоже смотрела. Разговор о самом главном им еще предстоял, но Шипичиха явно не спешила его начинать. Шипичиха не спешила, а сама Нина отчего-то боялась. — Ну, пацан — это даже хорошо. Может, и обойдет стороной...